

«Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран

Пронякина Елизавета Дмитриевна, РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Контактный адрес: pronyakina-ed@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

Сегодня перед Данией, Норвегией и Швецией, привлекательными для мигрантов как из европейских, так и неевропейских стран, стоит непростая задача разработки совместной миграционной политики, чему препятствует целый ряд экономических, идеологических и политических причин. Поэтому в статье предпринята попытка оценить перспективы взаимодействия скандинавских стран по вопросам миграции, опираясь на положения Копенгагенской школы безопасности. Сравнивая национальные подходы к управлению миграцией, автор приходит к выводу, что их объединяет чрезмерная вовлеченность государства в процессы адаптации и интеграции мигрантов. Несмотря на то что после 2016 г. в миграционной политике трех стран произошли существенные изменения, акцент сохраняется на управлении количественными показателями (через выдачу разрешений на проживание или депортацию), а не на формировании социального партнерства между иммигрантами и принимающим сообществом. В датском, норвежском и даже шведском обществе преобладает представление о необходимости стимулировать «правильную» (европейскую) и ограничивать «неправильную» (инокультурную) иммиграцию. Складывается ситуация, в которой основные усилия по интеграции направлены на группы иммигрантов, которые и так в достаточной степени интегрированы. Инокультурные мигранты, вне зависимости от своей профессиональной квалификации или личных качеств, по-прежнему воспринимаются как угроза скандинавской идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миграционный кризис, инокультурная миграция, интеграция и адаптация мигрантов, Северное сотрудничество, секьюритизация, скандинавская идентичность

Введение

Скандинавские страны на протяжении многих лет являются привлекательными для самых разных категорий иммигрантов. Это обусловлено высоким уровнем социально-экономического развития, способного гарантировать всем вновь прибывшим безопасность и достойное качество жизни, несмотря на усиливающиеся неблагоприятные экономические тенденции. Однако нельзя не отметить, что после событий «арабской весны» и последовавшего за ними миграционного кризиса 2015 г. массовая миграция в Европу стала рассматриваться скорее как проблема, нежели как экономический и демографический ресурс. Мощные миграционные потоки, особенно из экономически неблагополучных и конфликтных регионов мира, несут в себе вызовы для национальной, региональной и глобальной безопасности и требуют от европейских государств поиска нестандартных политических решений. Проблема эффективного управления миграционными потоками особенно остро стоит сегодня перед скандинавскими обществами, позиционирующими себя как открытые, толерантные и гостеприимные.

Большое внимание всестороннему анализу миграционных процессов уделяется в работах представителей Копенгагенской школы. Так, Б. Бузан, Я. де Вильде и О. Вэйвер в своей монографии «Безопасность: новые рамки для анализа» рассматривают массовую инокультурную миграцию как одну из угроз национальной и региональной безопасности¹. Культурная целостность принимающего сообщества, его способность генерировать устойчивые смыслы, ценности и идентичности описывается исследователями через категорию социетальной безопасности. Отдельно анализу феномена социетальной безопасности в контексте миграционных процессов посвящена другая, более ранняя, работа О. Вэйвера и Б. Бузана «Идентичность, миграция и новая повестка безопасности для Европы»². В ней авторы рассматривают идентичность как референтный объект безопасности, то есть как объект, повреждение или исчезновение которого грозит неизбежной гибелью всему сообществу. Естественно, любое общество стремится защитить свою идентичность. С этой точки зрения недоверие и даже неприязнь коренного населения к иммигрантам как к носителям чуждых норм и ценностей выглядят вполне логично.

Позднее проблема секьюритизации миграции выделилась в самостоятельную исследовательскую проблему в рамках Копенгагенской школы, а затем и за ее пределами. Ей посвящены, в частности, работа А. Беттса и П. Коллиера по устойчивой миграции³, а также исследования Ф. Бурбё⁴, Й. Хёйсманса⁵. Влиянию миграционных процессов непосредственно на идентичность скандинавских стран посвящена работа Л. Хансена и О. Вэйвера⁶, в которой исследователи показывают, как трансформировались национальная и региональная идентичности

1 Buzan et al. 1998.

2 Wæver et al. 1993.

3 Betts et al. 2018.

4 Bourbeau 2011.

5 Huysmans 2000.

6 Hansen et al. 2003.

Северных стран в результате вступления части из них (а именно Дании, Финляндии и Швеции) в Европейский союз.

Анализ научных публикаций скандинавских авторов за последние 20 лет демонстрирует, что большинство из них трактует безопасность в терминах Копенгагенской школы, тесно связывая само понятие «безопасность» с необходимостью сохранения и защиты общей идентичности. При этом особое внимание отводится процессам, протекающим в обществе. Подобную тенденцию можно объяснить спецификой скандинавского менталитета, для которого характерны коллективизм, солидарность и сильное, иногда даже обостренное, чувство социальной ответственности. Было бы ошибкой, однако, полагать, что в Северной Европе существует некая единая, общепризнанная трактовка социетальной безопасности. В опубликованной в 2021 г. работе шведских политологов-международников С. Ларсена и М. Ринарда «Социетальная безопасность в Северных странах: конвергенция и дивергенция» на доступных примерах показаны различные способы понимания и объяснения данного концепта¹. Однако, вне зависимости от преобладающей трактовки, скандинавские исследователи сходятся в том, что инокультурная миграция представляет потенциальную угрозу базовым ценностям скандинавских обществ и, как следствие, самому факту существования единого регионального социокультурного пространства, сложившегося на рубеже XIX–XX вв. на севере Европы. Референтным объектом, таким образом, выступает не просто коллективная идентичность, а сам феномен Северных стран, европейского Севера.

Анализируя научные труды скандинавских авторов, посвященные проблеме миграции, можно сделать вывод, что *migration studies* в Дании, Норвегии и Швеции за последние 10–15 лет оформились в самостоятельную междисциплинарную отрасль гуманитарных исследований. О высокой значимости «миграционной» проблематики для общественности и академического сообщества свидетельствует хотя бы тот факт, что с 2011 г. Северное сотрудничество издает собственный научный журнал – *Nordic Journal of Migration Studies*, посвященный всестороннему анализу феномена международной миграции с акцентом на скандинавские кейсы.

Из фундаментальных работ, исследующих специфику миграционной политики в странах Северной Европы, важно выделить коллективную монографию «Иммиграционная политика и скандинавское государство всеобщего благосостояния в 1945–2010 гг.»² (под редакцией Г. Брокманн и А. Хагелунд), в которой представлен обзор подходов Дании, Норвегии и Швеции к иммиграции в историческом контексте, показаны особенности формирования миграционной стратегии в каждой из трех стран. Ярким примером научного сотрудничества скандинавских ученых с их европейскими коллегами стала вышедшая в 2022 г. монография «Миграция и мультикультурализм в Скандинавии»³. В работе представлен подробный обзор миграционных политик Дании, Норвегии и Швеции, а также освещаются такие категории, как «гражданство», «инклюзия», «мультикультурализм», «натурализация» и «культурный плюрализм».

1 Larsson et al. 2021.

2 Brochmann et al. 2012.

3 Einhorn 2022, Üçok 2023.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на работы исследователей-скандинавистов, актуальные статистические данные и миграционное законодательство Дании, Норвегии и Швеции, проследить, какие концептуальные и инструментальные изменения претерпела политика Северных стран в отношении иммигрантов после миграционного кризиса 2015 г. и какие внутри- и внешнеполитические усилия предпринимаются сегодня правительствами этих стран для сохранения хрупкого баланса между сильным государством и открытым обществом. Также интересным представляется исследовательский вопрос относительно существования «общескандинавского» видения проблем, связанных с массовой миграцией, ответ на который автор постарался получить, опираясь на аналитические выводы и оценив возможность формирования Данией, Норвегией и Швецией региональной миграционной стратегии в обозримом будущем.

Между гомогенностью и мультикультурализмом: скандинавская идентичность в период миграционного кризиса

Категория скандинавской идентичности (*Nordic Identity*) является центральной для политической науки скандинавских стран. Идея существования на севере Европы единого ценностного, языкового и культурного пространства раскрывается в работах Н. Паркера¹, М. Викстрёма², Л. Вильде³ и многих других. *Nordic Identity* – явление устойчивое и вместе с тем очень пластичное. Ее формирование, как отмечает И. Нойманн, происходило параллельно со складыванием скандинавского региона; оба эти процесса сознательно направлялись политическими элитами трех стран с целью создания устойчивой, жизнеспособной и адаптивной общности (например, за счет поощрения ими культурного и политического движения скандинавизма)⁴. В этом смысле массовая нескандинавская миграция рассматривается правительствами Дании, Норвегии и Швеции как посягательство на результаты их долгосрочной региональной стратегии и, следовательно, как экзистенциальная угроза региональной стабильности.

В скандинавских обществах, традиционно гордившихся своей культурной гомогенностью и специфической «северной» идентичностью, мультикультурализм всегда был спорной категорией, даже в период своего триумфального шествия по Европе, длившегося с 1990 по 2010-е годы. В силу своего периферического географического положения, суровых климатических условий и достаточно «закрытой» политики, страны Северной Европы столкнулись с массовой миграцией относительно недавно – только в конце 70-х гг. XX века. Уже в этот период в датском, норвежском и шведском обществах возникла серьезная озабоченность относительно возросшего числа инокультурных мигрантов и необходимости их адаптации к нормам и ценностям страны пребывания. Опасаясь возросшего потока иммигрантов из Марокко, Турции и Пакистана, Норвегия уже в 1975 г. законодательно ограничила (а по факту – запретила) трудовую иммиграцию в страну.

1 Parker 2002.

2 Wickström 2017.

3 Wilde 2007.

4 Neumann 1999.

Эта мера оказалась малоэффективной: приток трудовых иммигрантов из развивающихся стран действительно практически прекратился, зато в следующие несколько лет резко возросло количество приехавших по программе воссоединения семей¹. В стремительно глобализирующемся мире ограничительные меры, предпринимаемые отдельными государствами, были средством несколько отсрочить для них столкновение с массовой миграцией, но не избежать ее.

Вопрос о возможности реализации идей культурного плюрализма в гомогенных Северных странах поднимался в академической литературе задолго до событий «арабской весны». Так, еще в 1987 г. норвежские социологи А. Кольстад и П. Петерсен в своем исследовании «Иммигранты и солидарность» отмечали, что миграционная проблема всегда включает в себя два аспекта: количественный (численность иммигрантов) и качественный, предполагающий успешную интеграцию иммигрантов в принимающее сообщество. И если первый аспект можно относительно легко и быстро регулировать посредством ужесточения или смягчения миграционного законодательства, то для работы с «качеством» миграции необходимы поддержка, добрая воля и активное участие всего принимающего сообщества в процессах культурной адаптации и социальной интеграции мигрантов².

Несмотря на тесное региональное сотрудничество в социально-экономической сфере, между скандинавскими странами существуют серьезные расхождения в отношении к миграции.

Наиболее восприимчивой к идеологии культурного разнообразия оказалась Швеция. Из всех скандинавских государств она обладает самым мягким миграционным законодательством и предоставляет самый внушительный пакет социальных услуг вновь прибывшим. Швеция позиционирует себя в качестве «флагмана мультикультурализма»³ и до последнего времени отказывалась ужесточать миграционный режим. Для обозначения шведской позиции по отношению к инокультурным мигрантам и их потомкам часто используется термин «культурный дальтонизм», так как сегодня в стране проживает достаточно много людей с темным цветом кожи – потомков иммигрантов из Африки, получивших шведское гражданство по праву рождения. Такое «благоклонное» отношение к мигрантам связано не только с длительным пребыванием у власти социал-демократов, традиционно продвигающих идеи солидарности и космополитизма, но и с внешнеполитической концепцией Швеции как нейтрального и миролюбивого государства. Прием беженцев из зон конфликтов рассматривается правительством и обществом как часть миротворческой деятельности и миссии страны на мировой арене.

Самым жестким миграционным законодательством и самым высоким уровнем ксенофобии отличается Дания. В стране традиционно сильны правые политические партии и общественные движения, выступающие за сокращение

1 Изменения в моделях миграции во время экономического кризиса в Европе: как это повлияло на миграционные потоки в Норвегию. Доклад Европейской экономической комиссии: ECE/CES/2014/43 // ООН. 9–11 апреля 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2014/43-Norway_Migration_patterns_Rus.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

2 Kolstad et al. 1987, 198–200.

3 Brochmann et al. 2013.

миграционных потоков. Как отмечает датский политолог С. Лэйгард, мультикультурализм в Дании носит вынужденный характер¹. Политика мультикультурализма продвигается в стране определенными политическими силами (в первую очередь социал-демократами), однако большинство населения не поддерживает ее, хотя и не протестует открыто. Датский мультикультурализм является в большей степени набором политических практик и процедур по адаптации иммигрантов в принимающем сообществе, нежели государственной идеологией. Такая амбивалентная позиция по вопросам мультикультурализма позволяет Дании сохранять хорошие отношения с партнерами по Северному сотрудничеству и Европейскому союзу. Вместе с тем Дании удалось создать эффективную систему интеграции мигрантов в принимающее сообщество – по ряду показателей королевство является лидером не только среди скандинавских государств, но и в ЕС.

Для «умеренной» в миграционном плане Норвегии крушение идеологии мультикультурализма ознаменовалось трагическими событиями 22 июля 2011 года. Террорист-одиночка А. Брейвик, позиционировавший себя как активист праворадикальной Партии прогресса (*Fremskrittspartiet*)², сначала взорвал бомбу в правительственном квартале Осло, а затем расстрелял участников молодежного съезда Норвежской рабочей партии (преимущественно мигрантов или их потомков) на острове Утойа. Признавшись в совершении терактов, А. Брейвик не только не признал себя виновным, но, выступая с заключительной речью в зале суда, ревностно и достаточно аргументированно отстаивал свои националистические взгляды. А. Брейвик обратился к аудитории с вопросом: демократично ли никогда не спрашивать у граждан собственной страны, готовы ли они приветствовать у себя дома африканских и азиатских беженцев, более того, превращать коренных граждан в меньшинство в собственной стране? Свой теракт он назвал «превентивной мерой» и «актом самообороны»³. Нельзя сказать, что теракт А. Брейвика нашел сколько-нибудь выраженную поддержку среди граждан Норвегии и других скандинавских стран, однако трагедия вскрыла наличие в обществе глубинных противоречий по вопросам миграции и миграционной политики. И хотя на парламентских выборах 2013 г. Партия прогресса, дискредитированная заявлениями А. Брейвика, потеряла значительную часть своего электората, уже на следующих выборах она заняла второе место в Стортинге, получив 27 мандатов.

Ксенофобия в Северных странах в большинстве случаев носит защитный характер и принимает форму исламофобии. Хотя уровень радикализации скандинавских обществ сильно преувеличен, правые популистские (антимигрантские по своей сути) партии имеют сегодня свой устойчивый электорат, места в парламентах и портфели в кабинетах министров. Даже в толерантной Швеции на парламентских выборах 2022 г. партия «Шведские демократы» получила 20,5% голосов избирателей, а ее отрыв от правящей Социал-демократической рабочей

1 Løgaard 2013.

2 Формально Андреас Брейвик являлся членом партии с 1999 по 2004 гг., но был исключен из нее за неуплату членских взносов. Никто из руководителей Партии прогресса не взял на себя ответственность за теракт Брейвика и не выступил с его поддержкой.

3 «Жестокость – это необязательно зло» // АПН – Агентство Политических Новостей. 20 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=26402> (дата обращения: 20.09.2023).

партии составил менее 10%¹, что отражает высокую озабоченность населения страны сложившейся миграционной ситуацией.

Вместе с тем праворадикальные партии не оказывают сегодня определяющего влияния на миграционную политику в скандинавских странах. Их деятельность разворачивается преимущественно в информационном пространстве, но даже здесь они стараются воздерживаться от излишне агрессивной риторики, опасаясь «спугнуть» избирателя. Так, норвежская Партия прогресса в рамках своей программы на 2021–2025 гг. предлагает депортировать их «в безопасную страну» (здесь, вероятно, имеется в виду одна из стран на пути следования беженцев) или в один из центров по предоставлению убежища за пределами Норвегии². Как представляется, ни норвежское общество, ни общества других скандинавских стран в большинстве своем не готовы поддерживать идеологию экстремизма и расизма, а рост популярности правых партий вызван, скорее, страхом избирателей потерять привычный образ жизни. Как уже было отмечено выше, миграционная повестка в скандинавских странах сильно и весьма успешно секьюритизируется. Например, «Шведские демократы» озвучивают такие простые и понятные каждому избирателю приоритеты, как обеспечение безопасности, снижение уровня преступности, доступность здравоохранения и высокий уровень пенсионного обеспечения, подспудно связывая возникновение проблем в этих сферах с возросшим количеством приезжих³. И хотя сегодня в правительствах Дании, Норвегии и Швеции сохраняется баланс между правыми и левыми политическими силами, существует вероятность того, что в долгосрочной перспективе при ухудшении социально-экономической ситуации в этих странах уровень радикализации общества и политических структур резко возрастет.

(Не)дешевая (не)рабочая сила

Пожалуй, главным аргументом «в пользу» миграции для Северных стран является нехватка дешевой рабочей силы, которую невозможно компенсировать за счет регионального рынка труда. Будучи одновременно высокотехнологичными постиндустриальными экономиками и странами «демографической зимы», государства Северной Европы испытывают устойчивую потребность в низко- и среднеквалифицированных рабочих. Как государства всеобщего благосостояния Дания, Норвегия и Швеция чрезвычайно привлекательны для трудовых мигрантов со всего мира. На первый взгляд может показаться, что это крайне удачное совпадение спроса и предложения на глобальном рынке труда, однако, как демонстрируют события последних 15 лет, зачастую человеческий капитал, прибывающий на территорию этих стран, не соответствует ни запросам их экономик, ни ожиданиям принимающей стороны. При этом население стран-акцепторов зачастую не способно адекватно оценить (не)эффективность

- 1 Андреев, С. Новый политический ландшафт Швеции: формирование и перспективы // РСМД. 7 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-politicheskiy-landshaft-shvetsii-formirovanie-i-perspektivy/>. (дата обращения: 20.10.2023).
- 2 "Et nytt asylsystem (A New Asylum System)," Fremskrittspartiet (The Progress Party), accessed July 30, 2023, <https://www.frp.no/var-politikk/innvandring-og-integrering/asylordningen>.
- 3 "Sveriges snabbastväxande förörelse (Sweden's Fastest Growing Movement)," Sverigedemokraterna (Sweden Democrats), accessed September 22, 2023, <https://sd.se/>.

проводимой государством миграционной политики и склонно видеть проблему скорее в «большом количестве» приезжих, нежели в качественном составе миграционных потоков. Поэтому граждане скандинавских (как, впрочем, и других европейских) стран требуют от своих правительств простого сокращения числа иммигрантов, а не пересмотра всей системы их приема и адаптации.

В Скандинавии трудовые иммигранты не составляют абсолютного большинства среди всей массы иммигрантов. Например, в Швеции «в 2010–2015 гг. 20% всех мигрантов составляли просители убежища, 18% – граждане из других государств ЕС, 17% – шведы-репатрианты, 32% прибыли в рамках воссоединения семей, еще 4% – с целью получения образования и только 9% приходилось на трудовых мигрантов»¹. В отличие от трудовых мигрантов, которые приезжают в страну с целью найти работу, все остальные категории мигрантов не вносят свой вклад в развитие экономики страны-акцептора, поскольку не зарабатывают деньги и не платят налоги. Более того, многие из них претендуют на социальные пособия и получают определенный пакет государственных услуг. По данным Миграционного агентства Швеции, в 2022 г. было выдано всего лишь 24 117 разрешений на работу², в то время как в страну за год въехало 102 436 человек³. Остальные 78 тыс. являются, с точки зрения налогоплательщиков, бременем для государства всеобщего благосостояния. Наибольшее количество иммигрантов прибыло в страну из Индии. Таким образом, Швеция стала единственной скандинавской страной, где инокультурные иммигранты преобладают над европейскими.

Статистические показатели по трудовой миграции в Норвегии, на первый взгляд, кажутся более оптимистичными, чем шведские: из 38 588 иммигрантов, въехавших в страну в 2021 г., 16 908 (то есть чуть меньше половины) составляют трудовые мигранты. Если обратить внимание на страну происхождения трудовых иммигрантов, очевидно, что почти все они (15 029 человек) – граждане других североевропейских стран, преимущественно поляки, шведы и прибалты⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что лишь незначительная часть инокультурных мигрантов, которые и являются сегодня объектом секьюритизации в скандинавских странах, попадает на норвежский рынок труда и становится той самой «дешевой рабочей силой».

Наиболее благополучная ситуация с трудоустройством иммигрантов и их потомков сложилась в Дании – стране с самым жестким миграционным законодательством. Здесь уровень занятости среди иммигрантов на конец 2021 г. достиг рекордного показателя 69,8% (это всего на 11% ниже уровня занятости среди коренного населения). Самым низким здесь, как и в Норвегии, является уровень занятости среди иммигрантов из незападных стран – он составляет 65,8%, что почти на 10% ниже, чем среди иммигрантов из западных стран⁵. Как и в Норвегии,

1 Квашнин et al. 2017, 99.

2 "Statistik om arbetstillstånd (Statistics on Work Permits)," Migrationsverket (Migration Board), accessed July 20, 2023, <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Arbete.html>.

3 "Sweden: Immigration 2022," Statista, accessed July 20, 2023, <https://www.statista.com/statistics/523293/immigration-to-sweden/>.

4 "Migration and Integration 2021–2022: Report for Norway to the OECD," Statistical Annex. Table A23.2, accessed October 20, 2023, <https://www.regjeringen.no/contentassets/84f8f1bd58f44723b1d592d076b3304a/annexa-b-2022.pdf>.

5 "Activity and Employment Rates," Statistics Denmark: Labour Market Status of the Population, accessed July 20, 2023, <https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/arbejde-og-indkomst/befolkningens-arbejdsmarkedstatus>.

большинство трудовых иммигрантов из западных стран составляют поляки, на втором месте – граждане Румынии.

Рассматривая ситуации с трудовой миграцией в скандинавских странах, важно учитывать и тот факт, что далеко не все трудовые иммигранты «доходят» до рынка труда принимающей страны; многие предпочитают жить на социальное пособие, которое хоть и уступает по размеру заработной плате, но все же в несколько раз превышает ту оплату труда, на которую они могли бы рассчитывать у себя на родине. Низкая мотивация в поиске работы, нежелание обучаться и повышать квалификацию не являются редкостью в среде иммигрантов. Так, согласно статистике Северного сотрудничества за 2018 г., уровень занятости среди иммигрантов и их потомков в среднем на 15–20% ниже, чем среди коренного населения¹. По данным Евростата, процент безработных, которые могут выйти на работу, но по каким-то причинам не хотят этого делать или слишком долго ищут вакансии, достаточно высок в скандинавских странах. В Швеции из 17% безработных примерно половина не откликается на предложенные вакансии или отклоняет их².

Однако даже в тех случаях, когда иммигрант хочет повысить квалификацию или освоить новую для себя, но более востребованную на рынке труда профессию, сделать это непросто. Серьезным препятствием на пути к получению иммигрантом образования в стране пребывания является низкий уровень владения языком. Поиск «хорошей» работы осложняется еще и тем, что многим инокультурным мигрантам недоступны неформальные и полуформальные каналы найма (например, трудоустройство по рекомендации знакомых)³; так что они могут либо пользоваться той информацией, которую предоставляет биржа труда, либо искать работу внутри своей общины.

Среди молодых (20–29 лет) иммигрантов 30,9% в Норвегии и 30,7% в Швеции не имеют ни образования, ни работы⁴ и, соответственно, не представляют ценности для национальных экономик. Большое количество малообразованных, плохо адаптированных и безработных молодых людей неизбежно приводит к формированию в стране теневого рынка труда и к росту преступности. Все это не может не вызывать раздражения у граждан скандинавских государств, придерживающихся принципов солидарности, трудолюбия и социальной ответственности, а также делающих внушительные налоговые отчисления, которые идут в том числе на нужды безработных. Неудивительно, что граждане готовы поддерживать даже очень жесткие меры в отношении иммигрантов, как это случилось в 2018 г. в Дании, где правительство приняло дискуссионный План по ликвидации гетто к 2030 году. Согласно Плану, каждый год в стране утверждается список гетто – неблагополучных районов, в которых иммигранты из незападных стран и их потомки составляют более половины населения. Конечно,

1 "Employment," Nordic Cooperation, February 28, 2022, accessed July 20, 2023, <https://www.norden.org/en/statistics/employment>.

2 "Archive: Labour Market Slack – Unmet Need for Employment – Quarterly Statistics," Statistics Explained, January 30, 2023, accessed July 24, 2023, https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Labour_market_slack_-_unmet_need_for_employment_-_quarterly_statistics.

3 Bredgaard 2018, 12.

4 "Employment," Nordic Cooperation, February 28, 2022, accessed July 20, 2023, <https://www.norden.org/en/statistics/employment>.

при определении какого-то населенного пункта как гетто учитываются и другие показатели: уровень доходов и безработицы, уровень образования и наличие судимостей у его жителей. По состоянию на начало 2020 г. в Дании было зарегистрировано 28 мигрантских гетто¹. Неблагополучные районы подлежат принудительному расселению, а за их обитателями устанавливается строгий полицейский надзор, что само по себе уже является дискриминацией. Мера ожидаемо вызвала всплеск негодования среди мусульманского населения страны, значительная часть которого как раз и проживает в таких гетто. Канал «Аль-Джазира» подготовил большой репортаж, включив в него интервью с иммигрантами, проживающими в неблагополучных районах². Однако политика принудительного расселения гетто так и не была отменена.

Как видно из приведенных выше статистических данных, проблема заключается не в количестве мигрантов в целом и трудовых мигрантов в частности, а в том, что предлагаемые скандинавскими странами меры по их адаптации, обучению и трудоустройству оказываются малоэффективными. Разумеется, наиболее желательной для скандинавских стран считается трудовая миграция из европейских стран, в том числе из Белоруссии, России, с Украины – мигранты из этих стран не считаются инокультурными. Датское правительство, например, оптимистично настроено относительно резкого увеличения потока иммигрантов из Украины после февраля 2022 г., предполагая, что они смогут быстро интегрироваться в принимающее сообщество и выйти на рынок труда, ослабленный коронавирусными мерами.

Новые решения для миграционной политики

Вопрос о пересмотре миграционной политики как на национальном, так и на региональном уровне стал едва ли не ведущим в политической повестке скандинавских стран после миграционного кризиса 2015 года. Тяжелая ситуация с низкоквалифицированными мигрантами и беженцами из зон конфликтов, сложившаяся на всей территории Европы, вскрыла целый ряд проблем во взаимоотношениях северных соседей. Оказалось, что, имея едва ли не самую долгую историю региональной интеграции в мире, являясь участниками общего рынка труда и единого социального пространства, Дания, Норвегия и Швеция по-разному смотрят на миграцию и по-разному работают с ней. Отсутствие единства мнений по миграционному вопросу стало очевидно уже в мае 2015 г. на специальной сессии Северного Совета, посвященной кризису беженцев. Странам не только не удалось выработать план совместных действий – им даже не удалось избежать взаимных упреков. Дания критиковала Швецию за излишний либерализм в вопросах предоставления убежища, а Швеция Данию – за подъем правого радикализма и желание снизить для себя квоты ООН по приему новых беженцев. Разошлись стороны и в вопросе отношения к беженцам: «в то время

1 "Denmark's 'Ghetto Plan' and the Communities it Targets. One Denmark Without Parallel Societies: No Ghettos in 2030," Multicultural Meanderings, accessed August 9, 2023, <https://multiculturalmeanderings.com/tag/one-denmark-without-parallel-societies-no-ghettos-in-2030/>.

2 "Denmark's 'Ghetto Plan' and the Communities it Targets," Al Jazeera, January 15, 2020, accessed August 9, 2023, <https://www.aljazeera.com/features/2020/1/15/denmarks-ghetto-plan-and-the-communities-it-targets>.

как у одних беженцы ассоциируются с расходами, другие видят в них людей, обладающих ресурсами, которые могут оказаться полезны для общества»¹.

Анализируя законодательные акты и планы действий, которые принимались правительствами скандинавских стран как по отдельности, так и совместно в рамках Северного сотрудничества после 2016 г., можно прийти к заключению, что их миграционная политика стала в целом более рациональной, избирательной и требовательной по отношению к иммигрантам. Так, во всех трех странах сегодня наблюдается дифференцированное отношение к иммигрантам: чем полезнее мигрант для общества, тем проще ему въехать в страну и остаться в ней. С этой точки зрения больше всего повезло высококвалифицированным специалистам из других стран – врачам, инженерам, программистам и ученым. Впрочем, и здесь возникают определенные сложности, связанные с тем, что общество воспринимает их в первую очередь как иммигрантов и только потом – как профессионалов. Например, в Швеции врачи-иммигранты, несмотря на свою официально подтвержденную профессиональную квалификацию, сталкиваются с пренебрежительным отношением со стороны коллег и даже пациентов. Анализируя статьи из медицинских журналов, посвященные вопросам квалификации медицинских работников, социологи из Уппсальского университета Л. Салмонсон и М. Орландо пришли к весьма неутешительному для толерантной Швеции выводу о необходимости некоей неформальной процедуры «культурной авторизации» для «докторов-иммигрантов» для того, чтобы они могли на равных работать со «шведскими докторами»². Примером культурной авторизации может служить длительное (в несколько лет) обучение врача в Швеции, в ходе которого он не только изучает язык, но усваивает знания о культуре, ценностях и менталитете шведов.

Самые сильные ограничения коснулись беженцев. Наиболее жесткую политику по отношению к этой категории иммигрантов ожидаемо проводит Дания, которая последовательно и упорно продолжает реализовывать идею «ноль просителей убежища»³. В рамках этой политики Дания в 2022 г. сократила свою квоту в ООН по приему беженцев с 500 до 200 человек. В январе 2022 г. датское правительство разработало Предложения по реформированию системы предоставления убежища⁴, по факту осуществив в своей стране мечту Партии прогресса Норвегии. В рамках обновленной политики просителей убежища предполагается содержать за пределами страны – на территории «государства-партнера». Движение в сторону политики экстернализации наблюдается сегодня во всех трех скандинавских странах.

Швеция также ощутимо сократила количество одобренных прошений убежища. Кроме того, согласно Национальной программе Швеции по предоставлению прошений убежища, миграции и интеграции в Европе на 2014 –2020 годы,

1 "Can the Nordic Countries Co-Operate on Refugee Policy," Nordic Co-operation, October 27, 2015, accessed August 15, 2023, <https://www.norden.org/en/news/can-nordic-countries-co-operate-refugee-policy>.

2 Salmonsson et al. 2013, 6.

3 Bredgaard, Thomas, Thomsen 2018.

4 "Udfordringer i asylsystemet – og regeringens forslag til et mere retfærdigt og humanitært system (Challenges to the Asylum System and the Government's Proposal for a Fairer and More Humane System)," UIM.dk, January 2022, accessed September 21, 2023 <https://uim.dk/media/11182/et-mere-retfaerdigt-og-humant-asylsystem.pdf>.

просители убежища, получившие и игнорирующие отказ о его предоставлении, лишаются всякой социальной и экономической поддержки со стороны государства. Одновременно с этим предусматриваются меры по упрощению миграционной процедуры для трудовых мигрантов¹. В ноябре 2022 г. Риксдаг принял закон, согласно которому размер заработной платы трудового мигранта должен составлять не менее 80% от средней заработной платы по стране. Как отмечается в комментарии Министерства юстиции к закону, его цель состоит в том, чтобы сократить миграцию низкоквалифицированной рабочей силы и освободить, таким образом, рабочие места для шведских рабочих².

Сегодня на первый план выходит не сокращение числа иммигрантов, а работа с качественным составом миграционных потоков. После кризиса 2014–2015 гг. в миграционной политике скандинавских стран произошел поворот в сторону концепций «ранней интеграции» и «активного гражданства». Меры, направленные на натурализацию и адаптацию вновь прибывших, ставят своей целью не просто адаптацию мигрантов, а воспитание из них в будущем «хороших граждан», готовых и способных разделять, поддерживать и продвигать скандинавские ценности³. Так, норвежский Закон об интеграции, вступивший в силу в январе 2021 г., обязывает иммигрантов посещать языковые курсы и курсы по норвежской культуре, которые проводятся исключительно в очной форме и для всех категорий иммигрантов, включая детей. Как явствует из документа, он «призван способствовать тому, чтобы иммигранты хорошо владели норвежским языком, знали норвежское общество, имели официальную квалификацию и прочную связь с трудовой жизнью»⁴. Общей для Дании, Норвегии и Швеции сегодня является высокая степень вовлеченности государства в процесс интеграции мигрантов. Это в полной мере соответствует концепции устойчивой миграционной политики (*sustainable migration policies*), в рамках которой от мигрантов ожидают «взаимности», то есть осознанного желания и готовности стать частью сообщества. Как отмечает эксперт в области международной миграции А. Беттс, «не существует как такового права на миграцию», а следовательно, трудовой иммигрант должен приносить ощутимую пользу принимающему сообществу⁵. К новому миграционному кризису, связанному с огромным потоком беженцев с Украины после февраля 2022 г., скандинавские страны подошли уже с общей стратегией поведения в отношении иммигрантов. Речь идет не просто о готовности Дании, Норвегии и Швеции принять украинских беженцев, но о необходимости их незамедлительной интеграции в принимающее сообщество и рынок труда. Большое внимание уделяется школьному образованию для детей-иммигрантов и трудоустройству их родителей⁶.

1 2014SE65AMNP001: "Sveriges nationella program för Europeiska asyl-, migrations- och integrationsfonden 2014–2020 (Sweden's National Programs for the European Asylum, Migration and Integration Fund 2014–2020)," Migrationsverket (Migration Issues), accessed September 20, 2023, <https://www.migrationsverket.se/download/18.6f22e3491708b85db6e18fc/158>.

2 "Försörjningskravet för arbetskraftsinvandring höjs (The Subsistence Life Requirement for Labour Immigration is Increased)," Regeringen.se, accessed September 21, 2023 <https://www.regeringen.se/pressmeddelanden/2023/09/forsorjningskravet-for-arbetskraftsinvandring-hojts/>.

3 Breidahl 2017, 3.

4 "Lov om integrering gjennom opplæring, utdanning og arbeid (integreringsloven) (Act on Integration Through Education, Training and Work (Integration Act))," Lovdata, accessed September 18, 2023, <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-11-06-127>.

5 Betts et al. 2018, 48.

6 "Ukrainian Refugees and the Nordics: Research-Led Best Practice on How to Cater for Ukrainian Refugees Arriving in the Nordic Region," NordForsk, March 29, 2022, accessed October 20, 2023, <https://www.nordforsk.org/sites/default/files/2022/NordForsk%20Ukrainian%20refuggess%20report.pdf>.

В последних документах Северного сотрудничества появились меры явно защитного характера. Например, в Плане действий Совета министров Северных стран на 2021–2024 гг. в качестве одного из приоритетов обозначено укрепление культурной и лингвистической гомогенности региона за счет школьных и студенческих программ обмена, молодежных школ и фестивалей, а также всеобщего продвижения датской, норвежской и шведской культур. Эти меры призваны не только укрепить региональную идентичность, но и способствовать росту внутренней (то есть не инокультурной) образовательной и трудовой миграции¹.

Можно заключить, что подход скандинавских стран к миграции стал более жестким. Анализируя стратегические документы Северных стран, посвященные проблеме миграции, группа исследователей во главе с Б. Даль пришла к неутешительному выводу о том, что «мигрантам предоставляется слишком мало свободы, и к ним относятся скорее как к проблеме, с которой нужно бороться, чем как к возможному ресурсу для развития общества. Правительственные программные документы в отношении мигрантов не поддерживают социальную интеграцию»². Парадокс заключается в том, что именно сильное, опекающее государство, стремящееся полностью формализовать процесс адаптации, препятствует успешной интеграции иммигрантов в принимающее сообщество.

Заключение

Проанализировав миграционную ситуацию в странах Северной Европы, а также те меры, которые Дания, Норвегия и Швеция предпринимают, чтобы с ней справиться, автор пришел к некоторым выводам относительно причин, характера и возможных последствий проблем, связанных с массовой миграцией, для этих стран.

Очевидно, что уже в самом понимании миграции скандинавскими странами заложено глубинное противоречие, которое мешает им выстроить последовательную политику. С одной стороны, массовая иммиграция, независимо от ее цели, рассматривается правительствами и населением этих стран как экзистенциальная угроза национальной и региональной идентичности, гомогенности сообщества и его базовым ценностям. С другой стороны, базовые ценности скандинавского государства всеобщего благосостояния диктуют необходимость принимать мигрантов и беженцев и обеспечивать им достойный уровень жизни, сопоставимый с уровнем жизни своих граждан. Нельзя игнорировать и чисто практические соображения: сегодня экономики всех трех стран испытывают дефицит рабочей силы и, следовательно, нуждаются в трудовой иммиграции для поддержания уровня своего благосостояния.

Получается своего рода парадокс: социальному государству в равной степени угрожают и миграция, и ее отсутствие. Чтобы снять это противоречие, правительства Дании, Норвегии и Швеции сходятся в том, что проблема кроется в дисбалансе миграционных потоков. Таким образом, в скандинавском обществе

1 "The Nordic Region – Towards Being the Most Sustainable and Integrated Region in the World," Nordic Co-operation, accessed September 20, 2023, <https://pub.norden.org/politiknord2020-728/#45642>.

2 Dahl et al. 2021, 221.

сегодня сформировалось две ложные установки относительно иммигрантов: «мигрантов стало слишком много» и «есть правильная (европейская и трудовая) и неправильная (инокультурная, беженцы) миграция». До недавнего времени миграционная политика всех трех стран была направлена на то, чтобы сократить «неправильную» миграцию и работать, по возможности, с «правильной», то есть интегрировать тех, кому изначально проще интегрироваться.

Скандинавские страны различаются между собой в первую очередь соотношением вовлеченности государства и гражданского общества в решение миграционных вопросов, строгостью национального законодательства в сфере миграции и вариативностью программ адаптации и интеграции. Эти различия, которые, на первый взгляд, кажутся незначительными и носят технический характер, на практике приводят к ощутимому расхождению в миграционных политиках Дании, Норвегии и Швеции. Миграционный кризис 2015 г. выявил необходимость координации миграционной политики между северными соседями и разработки единой «скандинавской» модели интеграции иммигрантов. И хотя единый регламент по приему и адаптации мигрантов вряд ли появится в обозримом будущем, первые шаги к сотрудничеству в области миграционной политики уже были предприняты в рамках Северного сотрудничества. Возможно, именно украинский кризис станет отправной точкой для совместного управления миграцией.

К сожалению, во всех трех скандинавских странах сохраняется отношение к мигрантам как к объектам воздействия со стороны сильного социального государства, а не как к партнерам по социальному взаимодействию. Даже в тех случаях, когда иммигрант может и готов проявить активность и самостоятельность, которой вроде бы от него ждет принимающее сообщество, жесткий регламент и «перегруженная» интеграционная политика просто не дадут ему такой возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Квашнин, Ю.Д., Кузнецов, А.В., Трофимова, О.Е., Четверикова, А.С. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Том 61. № 1. С. 97–107. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107>.
- Kvashnin, Yuri, Kuznetsov, Alexey, Trofimova, Olga, and Anna Chetverikova. "The European Migrant Crisis: Common Challenge and National Responses." *World Economy and International Relations* 61, no. 1 (2017): 97–107 [In Russian].
- Betts, Alexander, and Paul Collier. *Sustainable Migration Framework. EMN Norway Occasional Papers*. Oxford: University of Oxford, 2018.
- Bourbeau, Philippe. *The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order*. Abingdon: Taylor & Francis, 2011. <http://doi.org/10.5817/PC2017-1-72>.
- Bredgaard, Thomas, and Trine Lund Thomsen. "Integration of Refugees on the Danish Labour Market." *Nordic Journal of Working Life Studies* 8, no. 4 (2018): 7–26. <https://doi.org/10.18291/njwls.v8iS4.111161>.
- Breidahl, Karen N. "Scandinavian Exceptionalism? Civic Integration and Labour Market Activation for Newly Arrived Immigrants." *Comparative Migration Studies* 5, no. 1 (2017): 1–19. <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0045-8>.
- Brochmann, Grete, and Anniken Hagelund. *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945–2010*. Berlin: Springer, 2012. <https://doi.org/10.1057/9781137015167>.
- Buzan, Barry, Ole Wæver, and Jaap De Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Dahl, Berit Misund, Sofie Buch Mejsner, Leena Eklund Karlsson, Catrine Kostenius, Glenn Laverack, Heidi Myglegård Andersen, Maria Warne, and Johan Lidmark. "The Nordic Perspective on Migration and Empowerment." *Health Promotion International* 36, no. 1 (2021): 216–222. <https://doi.org/10.1093/heapro/daaa021>.
- Einhorn, Eric, Harbison, Sherrill, and Markus Huss, eds. *Migration and Multiculturalism in Scandinavia*. Madison: University of Wisconsin Press, 2022.

Hansen, Lene, and Ole Wæver, eds. *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*. Abingdon: Routledge, 2003. <https://doi.org/10.4324/9780203402207>.

Huysmans, Jef. "The European Union and the Securitization of Migration." *JCMS: Journal of Common Market Studies* 38, no. 5 (2000): 751–777. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00263>.

Kolstad, Arne, and Per Arnt Pettersen. "Innvandrer og solidaritet." In *Arbeiderhistorie 1987*, 195–219. https://www.arbark.no/eldok/Arbeiderhistorie1987_11.pdf.

Kolstad, Arne, and Per Arnt Pettersen. "Immigrant Solidarity". In *Labour History 1987*, 195–219 [In Norwegian].

Larsson, Sebastian, and Mark Rhinard. *Nordic Societal Security: Convergence and Divergence*. Abingdon: Taylor & Francis, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003045533>.

Løgaard, Sune. "Danish Anti-Multiculturalism? The Significance of the Political Framing of Diversity." In *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States*, edited by Peter Kivisto, Östen Wahlbeck, 170–196. London: Palgrave Macmillan UK, 2013. <https://doi.org/10.1057/9781137318459>.

Neumann, Iver B. *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*. Manchester: Manchester University Press, 1999.

Parker, Noel. "Differentiating, Collaborating, Outdoing: Nordic Identity and Marginality in the Contemporary World." *Identities: Global Studies in Culture and Power* 9, no. 3 (2002): 355–381. <https://doi.org/10.1080/10702890213973>.

Salmonsson, Lisa, and Orlando Mella. "Cultural Demands on Skilled Immigrants, a Devaluation of Human Capital." *Nordic Journal of Migration Research* 3, no. 1 (2013): 3–9. <http://doi.org/10.2478/v10202-012-0008-6>.

Üçok, Ecem Nazlı. "Review of Migration and Multiculturalism in Scandinavia, by E. Einhorn, S. Harbison, & M. Huss." *Nordic Journal of Migration Research* 13, no. 2 (2023): 1–4. <https://www.jstor.org/stable/48733208>.

Wickström, Mats. "Nordic Brothers Before Strange Others: Pan-National Boundary Making in the Post-War Naturalization Policies of the Nordic Countries." *Ethnic and Racial Studies* 40, no. 4 (2017): 675–693. <https://doi.org/10.1080/01419870.2016.1181269>.

Wilde, Lawrence. "The Concept of Solidarity: Emerging from the Theoretical Shadows?" *The British Journal of Politics and International Relations* 9, no. 1 (2007): 171–181. <https://doi.org/10.1111/j.1467-856x.2007.00275>.

Wæver, Ole, Buzan, Barry, Kelstrup, Morten, and Pierre Lemaitre. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter Publishers, 1993.

Сведения об авторе

Пронякина Елизавета Дмитриевна,

к.полит.н, доцент кафедры международных отношений,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43

e-mail: pronyakina-ed@ranepa.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 августа 2023.

Переработана: 15 сентября 2023.

Принята к публикации: 10 октября 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пронякина, Е.Д. «Неправильная миграция»: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14 (3). С. 58–73.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73>

“The Wrong Migration:” The Problem of Managing Migration Flows in the Nordic Countries Politics

ABSTRACT

In the modern world, migration crises are likely to become commonplace. Denmark, Norway and Sweden are countries that attract migrants from both European and non-European countries.

Today they face the difficult task of developing a common migration policy, which is hindered by a number of reasons: economic, ideological and political. The article attempts to assess the prospects for cooperation between the Scandinavian countries on migration issues in the near future.

Based on the provisions of the Copenhagen School of Security, the author examines mass migration through the prism of the risks it poses to the culturally homogeneous societies of Denmark, Norway and Sweden, to the unique Scandinavian model of the welfare state and to Nordic Co-operation.

Comparing the Nordic countries' approaches to migration management, the author concludes that they are united by the excessive involvement of the state in the processes of adaptation and integration of migrants. Despite the fact that the migration policies of the three countries have undergone significant changes since 2016, the emphasis is still on the management of quantitative indicators (through the issuance of residence permits or deportation) rather than on the creation of social partnerships between migrants and natives. In Danish, Norwegian and even Swedish society, the idea of the need to promote “right” (European) immigration and limit “wrong” (foreign cultural) immigration prevails. There is a situation in which the main integration efforts are directed at those groups of immigrants who are already sufficiently integrated. Non-European migrants, regardless of their professional qualifications or personal qualities, are still perceived as a threat to Nordic identity.

KEYWORDS

Migration crisis, Non-European migration, integration and adaptation of migrants, Nordic Co-operation, securitization, Nordic identity

Author

Elizaveta D. Pronyakina,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of International Relations, RANEPА
57/43, Sredny prospect VO, Saint Petersburg, Russia, 199178

e-mail: ronyakina-ed@ranepa.ru

Additional information

Received: August 31, 2023. Revised: September 15, 2023. Accepted: October 10, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Pronyakina, Elizaveta D. “The Wrong Migration:” The Problem of Managing Migration Flows in the Nordic Countries Politics.” *Journal of International Analytics* 14, no. 3 (2023): 58–73.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73>